

ПРЕЗЕНТАЦИЯ

КНИГИ " КОМУ ЖЕ ВЕРИТЬ "

Председателя Международного Союза Дворян
Князя Андрея Кирилловича Голицына
В Доме Русского Зарубежья им. А. Солженицына
22 Ноября 2011г. в 18ч.

ВЫСТУПАЛИ

Кн. А.К. Голицын

Кн. З.М. Чавчавадзе

А.В. Мамонтов

Н.А. Нарочницкая

С.А. Беляев

И.С.Глазунов

В.А. Москвин

В.С. Лапатин

А.П.Афанасьев

С.Л. Кузнецов

В.И. Брагин

В.В. Алексеев

П.К. Колтыпин-Валловской

Нам предстоит обсудить довольно важную, на мой взгляд, тему, которая будоражила общественное мнение приблизительно полтора десятка лет назад и которая, мне думается, всколыхнет его снова через год, когда мы будем отмечать историческую дату 400-летия воцарения на российский Престол династии Романовых.

Речь идет о проблеме злополучного захоронения в 1998 году так называемых «екатеринбургских останков», которая по мере приближения этой даты встанет, несомненно, значительно острее. Потому что скоропалительное волевое решение Государственной комиссии о захоронении в Петропавловской усыпальнице непонятных косточек, вызвавшее поначалу бурю общественного протеста, потом как-то забылось, а протестная реакция сильно поутихла. Лишь изредка появлялись сообщения о том, что некие новые экспертизы в Японии или в Англии опровергали выводы предыдущих, всё это иногда комментировалось представителями Церкви, но общественное мнение так и оставалось достаточно пассивным. Этого, однако, нельзя сказать об Андрее Кирилловиче Голицыне, который ни как член Государственной комиссии с первого дня ее работы до последнего, ни как русский монархист и гражданин не мог примириться с таким решением. Он тщательно копировал все документы, которые проходили через Комиссию, имея на это полное право, будучи её членом. В результате у него скопилось несколько картонных коробок документов, и он всё время мечтал о том, чтобы собраться с силами и на их основе написать книгу, справедливо полагая, что общественному мнению небезынтересно будет узнать правду о том, как проходила работа этой Комиссии и каким образом политическая власть вышибала её решения. Я говорю «вышибала», потому что в своем подавляющем большинстве Комиссия состояла из чиновников уровня заместителей министров разных ведомств, которые послушно исполняли волю политической власти и всегда голосовали «за». Однако нашлось в ней и сугубое меньшинство, которое оппонировало этому чиновничьему большинству и категорически отказалось подписать окончательную резолюцию.

В это отважное меньшинство, помимо автора книги А.К. Голицына, входили митрополит Ювеналий, И.С. Глазунов, В.И. Брагин и С.А. Беляев, который присутствует на нашей презентации. Должны были придти и все остальные, но И.С. Глазунов захворал, В.И. Брагина отправили в командировку, а владыка Ювеналий служит в одном из удаленных приходов своей епархии. Я имел возможность побеседовать с владыкой два дня тому назад на Патриаршем юбилее. Он очень высоко отозвался о книге, назвал ее «подарком судьбы» и просил передать нашему сегодняшнему собранию, что он полностью разделяет выводы Андрея

Кирилловича и считает, что вопрос об останках обязательно должен быть пересмотрен.

Теперь несколько слов по сути представляемого сегодня труда князя А.К. Голицына. Дело в том, что мне эта тема в некоторой степени близка, хотя я и не состоял в Комиссии. Благодаря тесной дружбе с Андреем Кирилловичем, я был всегда в курсе всех дел, связанных не только с рассмотрением содержательной стороны вопросов на Комиссии, но и с тем, как и по какому сценарию выстраивалась вся ее работа.

Добавлю к тому же, что мне довелось познакомиться с «первооткрывателем» останков Гелием Рябовым еще задолго до создания Государственной комиссии. Это был первый человек, который посеял в моем сознании весьма серьезные сомнения, потому что повёл он себя с самого начала совершенно неадекватно. Я в своём предисловии к книге рассказываю о некоторых эпизодах, в которых он вёл себя не просто более чем странно, но можно даже сказать нелепо, создав чёткое впечатление, что своим «открытием» он выполняет некий заказ. Но, поскольку это подробно описано в предисловии, я коснусь здесь другого, более серьёзного, на мой взгляд, вопроса.

Речь идёт о роли, которую играл на протяжении всего рассмотрения дела об останках Владимир Николаевич Соловьев, следователь Генеральной Прокуратуры, изначально заявивший, что выводы Н.Соколова (первопроходца, по свежим следам изучавшего екатеринбургское злодеяние в его мельчайших деталях) вообще не представляют никакого интереса ни с юридической, ни исторической, ни криминалистической точек зрения. Все его заключения, по мнению следователя Генпрокуратуры, не стоят ломаного гроша, поскольку он не владел современными способами дознания и не располагал необходимой материально-технической базой! Такая дремучая, на мой взгляд, позиция уже достаточно ярко характеризует не только профессионализм В.Соловьева, но и сам подход к проблеме. Однако именно эти смехотворные доводы я услышал от него при нашей первой встрече в 1994 году, что не могло не насторожить меня и не вызвать подозрения в том, что и он действует по какому-то спецзаказу. Впоследствии мы еще не раз встречались и каждый раз входили в клинч, когда я выражал возмущенное недоумение в подобном игнорировании Соколовских выводов. В ответ следователь Генпрокуратуры неизменно парировал: ну что вы, представитель Дворянского собрания, беретесь спорить с профессиональным юристом по совершенно неведомым вам вопросам!

Но тут случилось так, что в 1995 году я познакомился с Александром Васильевичем Коржаковым, небезызвестным главой Службы безопасности Президента, который интересовался вопросами престолонаследия в Российском Императорском Доме. Мне удалось убедить его в том, что посягавший в ту пору на роль наследника некий господин Дальский – откровенный авантюрист, а подлинно легитимные хранители очага русской монархии пребывают в эмиграции. Надо

отметить, что в те мрачные времена политического и экономического развала фигура А.В. Коржакова на фоне продажных компрадоров показалась мне единственно дееспособной и искренне стремящейся положить конец разбазариванию России. Постепенно мы проникли друг к другу взаимными симпатиями, что навело меня на мысль использовать его незаурядный авторитет среди московской чиновничьей элиты с целью повлиять на работу Госкомиссии по останкам, тенденциозность которой к тому времени стала особенно очевидной. Нелишне будет добавить, что в тот период Александр Коржаков не только возглавлял Службу безопасности президента, но нередко и замещал его на высшем государственном посту, когда у того возникали то и дело состояния невменяемости.

Выслушав мою просьбу, Александр Васильевич пообещал переговорить с председателем Госкомиссии (а это всегда был человек в ранге вице-преьера правительства), но только попросил пообстоятельнее ввести его в курс проводимого комиссией расследования, чтобы затем более предметно повести разговор с вице-премьером.

- Я дам в ваше распоряжение одного из моих сотрудников, сказал он. Вы его познакомьте с экспертами, следователями и членами комиссии, он их порасспросит, проинформирует меня, а потом уж я лично переговорю с председателем комиссии.

Этим сотрудником оказался милейший человек – Алексей Анатольевич Милованов, прекрасно образованный, умный, свободно владеющий персидским языком и активно искавший в ту пору дорогу к православному храму.

Первым делом я решил свести его с Соловьёвым, но посоветовал ему не представляться сразу, а сделать вид, будто он - мой друг, который пришел просто из любопытства послушать о ходе расследования екатеринбургских останков. Мы так и сделали. Соловьёв не обратил никакого внимания на моего спутника и в очередной раз начал со мной пререкаться по поводу ничтожности выводов Соколова. А кончилось всё тем, что мой спутник, поймав его на каком-то противоречии, произнес: «Как же так, Владимир Николаевич, вы же только что говорили совершенно противоположное!».

- А вы что тоже из Дворянского собрания?, – ехидно спросил следователь Генпрокуратуры.

Тут-то мой спутник и показал ему удостоверение сотрудника Службы безопасности президента, сообщив, что послан к нему лично А.В. Коржаковым, чтобы выяснить, почему следствие отказывается отвечать по существу на вопросы, формулируемые оппонентами официальной версии.

Гоголевская немая сцена не идёт ни в какое сравнение с тем, что мне пришлось увидеть. После затянувшейся паузы следователь Соловьёв пафосно произнес:

- Ну, послушайте, как же так можно?.. Чей же приказ мне выполнять?! Пусть наконец скажут, какое решение надо принять... Сделаю в лучшем виде!

Два года тому назад мы встретились с ним после долгой разлуки. Я пригласил его поужинать. Оказалось, что теперь он работает в Следственном комитете у Бастрыкина. После третьей рюмки я ему напомнил тот эпизод и спросил: «А как бы вы отреагировали, если бы я предал гласности те ваши слова? Он, нисколько не смутившись и вовсе не опровергая самого факта, сказал:

- А очень просто... Вы меня не пугайте, если и предадите гласности, то у меня есть веские аргументы на то, почему в тот момент мне пришлось так вам ответить.

Что ж, вот я и предаю гласности это событие. Подождем, когда же, наконец, прозвучат обещанные аргументы. По моей информации, книга А.К. Голицына до него уже дошла.

Я привел этот пример, чтобы показать всю фальшивость позиции следователя Соловьёва, несомненно являющегося ключевой фигурой в признании псевдо-останков Царскими. В книге А.К. Голицына читатель обнаружит еще очень много других фальшивых подходов и приёмов как в процессе проведения экспертиз, так и в формулировании скоропалительных выводов.

Вспоминаю эпизод на встрече у Святейшего Патриарха Алексия II с первым председателем Госкомиссии Яровым в 1994 году. Тогда пошла речь о версии про отрезанную голову Государя, о которой якобы поведал в своих мемуарах некий секретарь Куйбышева, сбежавший из СССР. С его слов, он будто бы слышал из уст своего начальника историю об его участии в комиссии по описи кабинета Ленина, проведенной после его смерти в Горках и зафиксировавшей факт обнаружения в сейфе головы Государя в банке со спиртом.

- Что же вы хотите, Ваше Святейшество, чтобы мы реагировали на любые вздорные версии и по каждой из них назначали специальную экспертизу?! – возмутился Яров.

Я возразил ему, сказав, что никаких специальных экспертиз проводить вовсе не следует. Достаточно просто вынуть из президентского архива хранящуюся там опись ленинского кабинета и представить ее в комиссию. Ведь, в отличие от дорогостоящих и длительных зарубежных экспертиз, это и быстро, и совсем ненакладно.

После ухода Ярова Патриарх сказал мне:

- Вы обратили внимание, как он взбесился на ваше предложение обратиться в президентский архив?

А он и впрямь взбесился. Интересно, как он реагировал, когда из того же архива изымались документы, проливающие свет на историю заключения советско-германского пакта Риббентропа-Молотова или Катынской трагедии?

Мне нередко доводилось слышать мнение о том, что не следует слишком переживать из-за возможных ошибок в идентификации екатеринбургских останков.

- В конце концов, какая разница, подлинные ли останки будут захоронены в Царской усыпальнице? Пройдет торжественная церемония, прозвучат покаянные речи, Царственным страстотерпцам будут возданы почести, народ проникнется добрыми чувствами к Августейшим страдальцам... Разве это плохо?

- Не просто плохо, отвечал я, но чудовищно и кощунственно! Это – новое глумление над светлым образом прославленных ныне Новомучеников.

Именно поэтому я считаю, что книга А.К. Голицына не просто своевременна, она призвана восстановить великую правду о нашей национальной трагедии и разбудить спящие умы русских людей, которых в очередной раз нагло обманули. Эта книга – первый камень в застоявшееся болото народного сознания, круги от которого дойдут до берегов и всколыхнут общественное мнение.

Думаю, что в ходе нашего сегодняшнего обсуждения темы екатеринбургских останков мы еще поговорим о том, какие шаги следует предпринять для того, чтобы направить общественный интерес в сторону поиска и утверждения правды. А пока что послушаем информацию о представляемой книге из самых авторитетных уст, уст ее автора.

А.В. Мамонтов

Я, естественно, всю книгу не прочитал, не успел. Прочитал предисловие, сейчас просмотрел. Да, я действительно занимался в 90-е годы расследованием. Целый год вёл его. Что интересно. Убийство Царской Семьи – единственная в мире страшная тайна среди убийств всех Миропомазанных Царствующих особ. Английского Короля Карла I прилюдно казнили, Людовика XVI прилюдно казнили, вообще там в принципе всё ясно. Единственно что вокруг русского Императора, Царя, Удерживающего, вместе с Семьёй, ломаются копыя до сих пор. Вот некая тайна, которую скрывают от нас, людей, которые живут в России, скрывают, что на самом деле произошло с этой Семьёй.

Я вам так могу сказать. Когда мы занимались расследованием, а занимались мы по собственной инициативе работая на супер-демократическом канале НТВ, вдвоём с моим коллегой Александром Хабаровым, мы копали интенсивно, причём никому ничего не говоря на эту тему, не ставя никого в известность. Нас это и спасло, потому что мы достаточно близко подошли к тому пласту документов, которые до сих пор находятся в архивах и которые, не знаю по какой причине, не желают обнародовать. Первая сенсация, которую мы обнаружили, были аудио записи в аудио архиве на Басманной. Случайно я их обнаружил. Это огромные Бабины для записи 1964 года в доме Радио, сделанные

Александром Николаевичем Яковлевым, ныне покойный, члена Политбюро КПСС. Там были выступления Родзинского, Никулина и третьего убийцы Медведева-Кудрина. Что меня поразило. Во-первых, пожилые люди очень спокойно рассказывали об убийстве. Например, такой пассаж Никулина, одного из тогда в 1918 году помощника Юровского. Он был молодым человеком. Юровский называл его «сыноком». Он был его как бы адъютант, выполнял все его указания и принимал участие в убийстве Царской Семьи. Он же убивал Святого Гермогена, священника, которого вы, наверное, знаете, топил его в Тоболе. И вот этот достаточно пожилой человек, рассказывал как они на лодке увезли Гермогена на середину реки, связали ему колючей проволокой руки и ноги, привязали какой-то груз и бросили в воду. И он говорит, что он смотрел, как этот человек уходил на дно с широко раскрытыми глазами «и смотрел на меня, а потом исчез в глубине речной воды». Всё это была сказано спокойно, с уверенностью. Это, зверь.

Родзинский убийца более интеллигентный. То, что я слушал лично, он даже сожалел о «мальчике». Он говорил про Царевича Алексея, что он был такой весёлый, хороший, добрый умный ребёнок, и он был очень удивлён его живучестью, когда они в Царевича выпустили много пуль, он всё ещё шевелился, стонал. Потом его добились, одиннадцать пуль в него пустили. Он рассказывал много о быте Царской Семьи перед казнью в Ипатьевском доме. Как было сказано, тот же Никулин, тот же Родзинский об этом рассказывал. Там они ещё спорили, кто из них был первым, кто попал в Государя Императора. Это была первая сенсация, которую мы обнаружили. Мы, сколько можно, записали её на видео. Через полгода выхода её в эфир этих плёнок не было в Архиве. Я кинулся туда, их уже не было и формуляров этих плёнок я также не нашёл. Не знаю почему. Вот такая была история.

Вторая история связана с архивом. Когда мы подобрались практически вплотную к Президентским архивам, я выяснил вот что. Записка Юровского-Покровского была, но это фальшивка. На самом деле существует доклад, очень обстоятельный, очень мощный, подробный и его писал товарищ Голощёкин, который был в Казахстане расстрелян. Один из пунктов его обвинения был гомосексуализм. Я читал его расстрельное дело. Вот этот товарищ Голощёкин и находился там и был одним из главных организаторов этого злодеяния, и он, собственно говоря, писал тот доклад, который был зачитан в узком составе здесь в Кремле Ленину, Троцкому и Свердлову. Но все доклады, все первые доклады шли Свердлову. Он считался одним из главных организаторов этого злодеяния. Почему мы сейчас не можем докопаться до истины? Тогда, в те дни, в 1918 году были проведены так называемые «активные мероприятия». Такие мероприятия, когда правда замешивается с ложью, и не разберёшь, где хвост, где голова, где ноги, руки и так далее.

Но важно то, что доклад Голощёкина существует. В него вшиты фотографии расстрелянных Царских особ, которые были сделаны во дворе

Ипатьевского дома. Они есть. Существует записка врача, который обследовал трупы после расстрела. Это всё есть.

Был такой начальник УКГБ по Свердловской области, фамилию я его забыл к сожалению, которого нам удалось найти уже в 2002 году, и нам удалось, как говорят в нашем кругу, его раскрутить. Он сказал, что «всё, что вы рассказали в 1998 году, это всё ерунда, дымовая завеса, проделанная специально». На самом деле всё было иначе. Головы были отделены от тел и привезены в Москву. Были фотографии, был отчёт врача. Всё это докладывалось, всё это суммировалось, всё это сводилось в специальную папку, и потом была издана, как он сказал, некая брошюра для внутреннего пользования с описанием этих самых грязных деталей, которая была использована внутри системы. Мы, естественно, стали её искать, но везде сталкивались с резиновой стенкой. Сначала нам говорили «да, да», а на следующий день никто не брал трубку, и этого человека, с которым мы накануне беседовали, не было, он куда-то исчезал. Тем не менее, мы нашли всё-таки человека из Президентского архива, с которым у меня было пять бесед, и через него я разговаривал с самой старой сотрудницей Президентского архива, которая знала очень много. Её тогда был, по-моему, 95 лет. Сейчас она, конечно, умерла, почилла. Через этого человека мы общались со старой сотрудницей. Он нас не выводил на неё, и мы разговаривали с ней через него. Я писал вопрос, а она через какое-то время мне отвечала. Она подтвердила существование фотографий и доклада Голощёкина. Категорически не стала ничего говорить про головы. Но каким-то образом, буквально через неделю, эти наши тесные общения прекратились. Мне было предложено поехать в Чечню. Я должен был уехать на Северный Кавказ, а этот человек был куда-то переведён. Я его не нашёл после возвращения из командировки. Вот такая история ...

А теперь в заключение: в 2002 году мне сказал начальник УКГБ по Свердловской области: «Вы, как общественность можете это сделать. Составить коллективное письмо или как-то обратиться. В курсе всего Николай Иванович Рыжков». Жив или нет этот начальник, я не знаю, но он докладывал Рыжкову, делал полное представление, полный расклад по всей ситуации вокруг гибели Царской Семьи. Я думаю, что Михаил Сергеевич Горбачёв тоже в курсе всего. И я знаю, что у них лежат, у власти я имею ввиду, как мне говорили, некие три папки, где собраны самые страшные тайны Советского Союза. У них лежат эти документы, которые должны быть обнародованы. Я не знаю, почему они их не обнародуют. Сейчас, может быть, они боятся, что это вызовет такую большую реакцию, страшную реакцию народа и откроют глаза на что-то, или это сделают в 2018 году, я не знаю. Но то, что это всё существует – страшная правда, о которой вы даже не догадываетесь, да и я тоже, что было сотворено с Царской Семьёй, как это было сделано и как скрывалось. Это всё есть, всё лежит. Кто это сможет раскрыть, кто это сможет поднять и кто откроет рот и скажет об этом деле – не знаю...

Н.А. Нарочницкая

Я держу в руках книгу Андрея Кирилловича Голицына, старого знакомого, «Кому же верить», который собрал здесь скрупулёзно все сомнения в отношении того акта захоронения якобы Царских останков, которые пришлось в те лихие 90-е годы, когда практически все подобного рода акты были продиктованы, конечно, политическими соображениями. Я вспоминаю, что уже тогда огромная часть российской общественности, русской православной общественности своим каким-то историческим чутьём не могла принять решение этой Комиссии, и поскольку в её деятельности было очень много белых пятен. И эти сомнения в обществе не только не успокоились, но они наоборот усиливаются с каждым годом, когда мы переоцениваем 90-е годы.

Не случайно наша Церковь категорически выражала своё мнение о невозможности в тот момент согласиться со скоропалительными выводами Комиссии, работа которой была под пристальным вниманием и под давлением, безусловно, политической власти. И не случайно именно Борис Немцов, которому хотелось, наверное, себя увековечить как человека, не только ломавшего через колено всю историю экономической жизни России, но и некоего человека, который строит мостик между той Россией, которую мы потеряли и новой России, увенчались успехом. Ему по-видимому, удалось убедить руководство страны, нашего Президента Бориса Николаевича Ельцина, в том, что этим актом Ельцин может как-то компенсировать то, что он сделал в своё время, будучи секретарём Обкома, когда он отдал приказ о том, чтобы снести Ипатьевский дом, где и была варварски расстреляна Царская Семья, Царь, Помазанник Божий. И думается, что сегодня, когда мы переоцениваем события и вообще всю эпоху 90-х годов, когда ломаются связи времён, когда была смута в сознании, общество стояло друг перед другом и кричало, распни его, распни, а весь мир пожинал плоды нашего безверия и способность самим подняться над веком и спокойно и смиренно, не глумясь над жизнью отцов, тем не менее понять истоки своих поражений, взлётов, то вот сейчас, мне кажется, общество созрело для того, чтобы ставить вопросы, осторожно, деликатно о том, чьи же останки были захоронены тогда под видом Царских.

Безусловно, эти останки, которые были захоронены, к ним надо проявить огромное бережное внимание, потому что это тоже были мученики, которые претерпели какую-то адскую смерть. Поэтому никто не может, не смеет над ними глумиться, но тем не менее вопрос о том, что это за останки безусловно сохраняют свою значимость, потому что деятельности... этой Комиссии, как это превосходно описано в этой книге, находилась в грубом нарушении тех юридических актов, которые завершают каждый этап опознания, находки и так далее. Андрей Кириллович Голицын в данном случае не просто собиратель каких-то

разрозненных фактов и данных, а это человек, который был членом этой Комиссии, и поэтому он скрупулёзно собирал, копировал, записывал все мельчайшие детали всех обсуждений, всех актов. Он здесь нам представил целый такой список тех грубых нарушений, отсутствие акта, который бы удостоверял то, что останки, которые посылались на экспертизу, даже западным учёным, именно те, которые были выкопаны на месте находки, а не те, которые были взяты из могилы захоронений родственников последнего русского Государя. Огромный юридический провал и удивительно, что Комиссия могла закрыть глаза на это. Ясно, что за этим стоит политическое решение ознаменовать тот период власти таким актом, как казалось, всенародным покаянием, следом за которым наступит безгрешное время нового эксперимента, освящённое чуть ли не прощающими с небес последними представителями династии Романовых. Конечно, всё это вызывало большие сомнения, горечь разочарования и большого для нашего общества сегодня стремления никак не поддаваться таким политическим наказаниям и особенно в таких вопросах, которые не терпят ошибки. Не случайно Церковь, которая прославила Царственных мучеников и воздержалась, несмотря на огромное давление на неё со стороны власти, тем не менее воздержалась от того, чтобы признать итоги Комиссии и указала на то, что нет пока оснований, чтобы однозначно согласиться с её результатами...

С.А. Беляев

В отличие от Андрея Кирилловича, я по специальности историк, историк-археолог и на мою долю в этой истории выпала честь, не знаю как сказать, на меня легла большая ответственность доносить до священноначалия состояние дел по этим вопросам. Дело в том, что когда состоялось первое заседание Комиссии, на котором принимал участие представитель Церкви, владыка Ювеналий, то Церковь стала перед вопросом, как на это всё реагировать, как на это дело отвечать, какие решения и на каком основании принимать и чем обосновывать. Я человек церковный с детства, священноначалие меня знает уже давно, и в то же время я историк-археолог, сотрудник системы Академии Наук, тогда был и сейчас им остаюсь. Владыка Ювеналий обратился ко мне с просьбой как-то содействовать, как-то помочь. Я сказал, что без благословения Святейшего Патриарха делать ничего не буду. Владыка поговорил со Святейшим и 15 декабря 1993 года меня пригласили в Чистый переулок, где Его Святейшество вручил мне свой Указ от 14 декабря 1993 года, что мне поручается быть представителем Церкви по этим вопросам. С тех пор я был допущен ко всем исследованиям по всем делам, и со следующего заседания Комиссии, которое было в апреле 1994 года и до самого последнего я присутствовал на всех заседаниях, сначала как эксперт, а потом как член Комиссии. В апреле 1994 года мной был представлен

доклад Его Святейшеству на эту тему на основании анализов тех документов, с которыми я был ознакомлен и в Прокуратуре и в Бюро по экспертизам и мой доклад был на заседании Священного Синода, где было принято решение, которое Андрей Кириллович и мой доклад и решение приводит в своей книге. Эти документы были направлены Председателю Комиссии Ярову. На ближайшем заседании Комиссии, я выступил с докладом и, хотя уже на этом заседании Комиссии были розданы членам Комиссии документы о том, что всё решено и оставалось только собрать подписи членов Комиссии, но после письма Святейшего Патриарха, после моего выступления, моего доклада, эти документы были заменены на другие, о том, что должны быть проведены дополнительные исследования.

Таким образом, быстрое выкручивание рук членам Комиссии и Церкви не получилось, и история затянулась на несколько лет. Забегая вперёд, скажу что мне ещё раз пришлось выступать на заседании Синода в октябре 1995 года, когда тоже наступил очередной этап. Это было совместное заседание Синода и Комиссии. Ярова не было, за главного был господин Собчак. А перед этим Комиссия приняла решение, что уже надо готовить похороны.

Но тут тоже приключилась история. До того я на несколько дней был по своей академической деятельности в командировке в Чехословакии. Там я узнал из их Архива, где нашёл публикацию единственного официального документа следствия Соколова 1918 – 1924 годов, в форме доклада который через офицера Булыгина был Соколовым передан по просьбе Марии Фёдоровны представить ей официальный документ следствия, и Соколов как раз и создал этот документ для вдовствующей Императрицы Марии Фёдоровны и через Булыгина он ей этот документ переправил. Этот документ имеется в ГАРФи, но ни руководство ГАРФа, ни следственные органы, которые вели следствие, до сих пор его не опубликовали. А мне удалось его найти в Праге, и когда было совместное заседание Синода и Комиссии, то Его Святейшество очень внимательно всех выслушал, а потом предоставил слово мне. Моё выступление свелось к тому, что вот мы сейчас выслушали доводы одного следствия, но войдите в положение священноначалия Церкви, когда имеются доводы и другого следствия, причём доводы обоснованные, это не просто голословные утверждения Соколова, а это результат очень кропотливого анализа всех обстоятельств дела и также многочисленных экспертиз всякого рода. Мой вывод сводился к тому, что в каком положении сейчас находится Церковь. Имеются выводы совершенно противоположенные, совершенно исключают друг друга, выводы двух следствий. Следствия 1918 – 1924 годов и следствия нового времени. Церковь, что же, должна выступать в виде арбитра, но это не её функции. И по этому, самое мудрое, что можно сделать, это остаться пока в стороне, и эта позиция после этого заседания была священноначалием принята.

Теперь то, что касается существа дела. Если книга Андрея Кирилловича названа «Кому же верить», то у меня здесь позиция как у

исследователя, как в какой-то мере специалиста по анализам источников, я имею в виду как материалы следственного дела, так и по части экспертиз, которые мне за свою жизнь приходилось несколько раз давать антропологию в студенческие или иные годы. Во время руководства экспедицией определять самому по половозрастным признакам останки человека по полу, возрасты и необходимым признакам. Работать с коллегами, в своё время слушать лекции Герасимова и ряда других очень крупных специалистов, так что не претендуя на какую-нибудь квалификацию, я был в состоянии оценить чистоту проводимых исследований, определить в какой-то мере их достоверность и обоснованность, и самое главное, сказать в какой мере можно на эти исследования полагаться. У меня много было выступлений, кроме двух заседаний Священного Синода, выступления в прессе. У меня есть ещё официальная бумага где, пожалуй, те выводы, к которым я пришёл на основании аналитического изучения документов и проведённых исследований изложено. Это выступление на слушании в Государственной Думе. Это выступление опубликовано, оно висит в Интернете, поэтому все желающие могут с ним там познакомиться. На основании изучения всей совокупности данных, которые там приведены, данные самого разного рода. В этом выступлении в Думе и в этой публикации был сделан такой вывод, что в ночь с 18 на 19 июля 1918 года никакого захоронения на Коптяковской дороге в Поросёнковом Логу не было произведено и не могло быть произведено. Вся совокупность доказательств изложена в выступлении в Думе, так что это уже делает в какой то мере не нужным многие последующие исследования.

Теперь, что касается генетической экспертизы. Здесь такая вещь, тут я опираюсь в основном на данные нашего крупного генетика Животовского и на данные большой группы генетиков, делавших анализы в Соединённых Штатах. Дело в том, что анализы, то есть вернее выводы, были сделаны на сопоставлении с очень отдалёнными родственниками. И как показали сделанные в Штатах анализы, те данные, которые были получены и представлены в Комиссию, они искажены, ибо не была достигнута необходимая чистота эксперимента. Это первое.

Второе, то что я здесь сообщу, я уверен, что ни Андрей Кириллович, ни Зураб Михайлович этого не знают. При планомерном исследовании человеческого генофонда Свердловской области, а попросту говоря изучения генной составляющей местного населения, которые проводили местные екатеринбургские генетики, в двух случаях из ста проводимых исследований обнаружено сто процентное совпадение с теми результатами, которые, после генетических экспертиз, проведённых на территории Англии и Штатов, считались специфическими признаками именно Царской Семьи, и которые возникли в результате определённой мутации. Два случая стопроцентного совпадения и два случая, я повторяю, на сто, сто десять проб взятых с очень маленькими отклонениями, причём эти пробы, если так можно назвать, были взяты у людей, которые не

только не имеют никаких родственных связей с какими либо Дворами Европы, но и из пределов своего района пожалуй никуда не выезжали. Местные генетики, которые эти анализы проводили, пришли к выводу, что эти изменения в генофонде возникли в результате изменения местного фона или радиационного фона, или каких либо других, в результате каких-то изменений, свойственных или присущих этой местности.

Так что, если пользоваться теми выводами, к которым пришли генетики при исследовании екатеринбургских останков, то следует только один вывод, что эти исследования свидетельствуют только в том, что это местные жители. И эти исследования тоже висят в Интернете. Так что, пожалуйста, они доступны всем, можете с ними познакомиться.

И.С. Глазунов

Когда меня, неожиданно для меня включили в Комиссию по расследованию Царских останков, то я, прежде чем ехать в Белый дом, ещё раз мысленно пробежал все известные мне факты, как например такой странный факт: известно, что человеческие зубы не горят. Когда я сказал, что никак не могу понять и поверить, что вот так шёл по дороге некий сотрудник МВД товарищ или господин Рябов и вдруг остановился и вдруг где-то, чуть ли не под асфальтом нашёл эти черепа Царя и Цариц, и повторяю, что не нашли ни одного зуба. Я спрашивал у разных людей, есть у меня знакомый криминалист, и он говорит, что зубы не горят, он это подтверждает, и когда я сказал, что не верится, кто-то грозно спросил из сидящих там в погонах. Вы что не доверяете нам. Нет, я очень доверяю, все мы ... на что наши замечательные специалисты в области криминалистики ... не доверяют правоте и верности вот этого ... ДНК ... Кстати, делалось это, как мне сказали, в Англии, тоже немножко странно. А я как человек православный доверяю Церкви с которой совпадает абсолютно моё мнение и так должно быть. Мнение высказано замечательным Святейшим Патриархом Алексием II. Нету достоверности в том, что в этой братской могиле захоронены останки Государя Императора и Его Семьи, которые признаны русской православной Церковью, вначале были признаны Зарубежной Русской Православной Церковью, причислены к Лику Святых.

В.А. Москвин

Я специально никогда не занимался этой страшной трагедией. Поэтому не могу говорить как специалист, а могу лишь сказать, что действительно точку ставить нельзя, потому что вопрос о подлинности Царских останков безусловно не решён. Я в этом доме говорил с одним из американских экспертов, который занимался научным исследованием, и

он мне заявил, что они стопроцентно убеждены, что это подлинные Царские останки. Я в то же время как человек, встречавшийся со многими людьми, прекрасно знаю о том, что само изучение вопроса, подлинные или не подлинные останки, проходило в условиях крайней политизированности. И кроме того, тем людям, которые стояли во главе Комиссии, им доверять нельзя, потому что вся их другая деятельность полна лживых и несправедливых поступков. Здесь ещё стоит отметить такой момент. На рубеже 90-х и начала 2000-х годов, и многие наверное об этом знают, началась возня с якобы воскресшей Анастасией и причём это все опять же шло из тех же самых кругов, которые занимались работой по определению подлинности или не подлинности Царских останков и пришли к определённым выводам, то есть эта возня, она продолжалась достаточно долго, и кроме того здесь есть один существенный момент, люди, начиная с Ельцина, попытались, как это говорили, восстановить истину, принести покаяние, но в то же время у них так и не поднялась рука переименовать станцию Войковскую и все улицы. Вот они так и не научились «жить не по лжи». Андрей Кириллович вам большое спасибо за вашу книгу.

В.С. Лопатин

Прекрасно, что сегодня прошёл такой вечер. Я прочитал книгу с большим не только интересом, с большим волнением. И вступление Зураба Михайловича и весь текст, и то, что мы сегодня услышали, это как бы органично добавляет выводы книги.

Поделюсь своим таким наивным воспоминанием о следователе Соловьёве. В институте истории вдруг мои друзья сказали, что вот Комиссия работает и следователь Соловьёв выступит перед историками, причём заседание было такое, полулегальное. Вышел этот следователь очень бойко, он сказал «ну нет вопросов никаких, мы установили и так далее. Были вопросы. Один человек, бакинец, сказал, что он разговаривал с пьяницей, бывшим солдатом, который был в оцеплении и видел как сжигали, как рубили тела, и когда оказались эти камни, началось откровенное мародёрство и пришлось дать пулемётную очередь, чтобы прекратить мародёрство, и он видел, как говорил этот солдатик, как кто-то выкинул что-то в кусты. Человек, который задал вопрос сказал, что солдатик показывал этот портсигар Императора, который он потом взял из кустов.

Я задал вопрос, ну а как же вы согласны со следователем Соколовым. Да, говорит, согласен.

Но он же пишет, что на кострище десятки свинцовых пуль найдены.

Ответ был совершенно ошеломительный. «Эти пули у них в карманах

были. Вот какой следователь.

Что мы видим? Мы видим, что государство по-прежнему в лице тех людей, которым поручено момент истины установить, продолжают вот эту игру, а игра давняя. Вот вы сегодня так хорошо Андрей Кириллович и правильно говорили, о Покровском. Характеристику можно дать, ведь Покровский был в прямом смысле слова палачом русской истории. Он внедрял этот термин: всё прошлое – это проклятое прошлое. Не только над останками Царской Семьи глумились. Мой учитель, Андрей Валентинович Памарнацкий, рассказал, что на могиле Суворова в Александро-Невской Лавре была устроена фабрика производства гуталина. Других мест не нашлось. А вот на могиле, мне рассказывал Юрий Борисович Шмаров, как поглумились: извлекли останки Алексея Орлова, якобы у него пуговицы на мундире золотые, они нужны для индустриализации. Борис Лавренёв написал потрясающий очерк, как в Херсоне в соборе он увидел выставленные в витрине останки Потёмкина с надписью вот де Катькин хахоль. Это был антирелигиозный музей. Вот что продолжается, какая панорама деяний. Кстати говоря, недавно я ещё раз спросил - черепа Потёмкина нет в его захоронении.

И то, что эта книга вышла, и то что так достойно, главное достойно всё сказано, и этот рассказ Зураба Михайловича о беседе с этим следователем, который оказывается такой человек и говорит: «Ну что изволите, прикажите и мы вам докажем: не останки, так не останки, если останки нужно говорить, то останки».

Вот это пугает. Невозможно жить в обстановке такой лжи. Книга помогает ответить всё-таки на вопрос, кому же верить. Конечно, верить надо тем мужественным людям, которые проявили и честь и совесть и отказались подписывать протоколы этой Комиссии. И поэтому низкий поклон. Хорошая книга. Я думаю правда восторжествует.

А.П. Афанасьев

Я сегодня очень рад присутствовать здесь, и рад за себя, за нас с вами, за всех присутствующих, за Андрея Кирилловича, Зураба Михайловича, Оксану Сергеевну, за всех, всех, потому что это очень достойный вечер и так тщательно и серьёзно подготовленный. Я просто выражаю большое чувство благодарности и радости за Андрея Кирилловича, за его многолетний труд, за его ответственность. Он переживал, как издавать, но тут выручил Зураб Михайлович, и всё легло и хорошо издано.

Андрей Кириллович поднял тему и мы сегодня обсуждаем, казалось бы очень частный вопрос. Не всю историю, даже не всю жизнь Царя, а обсуждаем вопрос гибели Царя, и то не столько так сказать, сами детали. Они возникают как-то походя, не привлекая к себе самого пристального внимания. Мы больше обсуждаем технические вопросы, причём в технических вопросах возникают подробности такие: зубы, палец и так

далее. У чувствительных людей могут по коже мурашки бегать. Для чего всё это делается, для чего всё это говорится, и для чего, мне кажется, затеял весь этот труд чести для себя Андрей Кириллович. Я считаю, что без правды нельзя жить. Наше Российское Государство когда-то основывалось и в фундамент этого государства Древней Руси была поставлена правда. Она называлась Русская Правда, Правда Ярослава – это очень мужественный документ, чёткий открытый и на этом фундаменте, на фундаменте Русской Правды и строилось затем Русское Государство, Российское Государство, и оно существовало и процветало и могло существовать и процветать пока процветала в нём Правда.

Как только Правда зашаталась, как только Правда стала ветшать и сотрясаться, стало рушиться и Государство. Поэтому все вопросы отстаивания исторической истины важны не только сами по себе, они важны для раскрытия личности Царя-мученика. Но самое главное, они важны были и для того, чтобы посмотреть на каких устоях вставало Советское государство. Оно вставало на устоях лжи, на той зыбкой почве, которая и привела, в конечном счёте, к гибели. Вопрос, который поставил Андрей Кириллович, кому же верить. Мне кажется у него в проекте есть более глубинные идеи и более значимые. Здесь прозвучало, что никому не верить. Я считаю, что верить мы должны, верить мы имеем право, верить одному, верить Богу. Есть две формы веры. Вера в Бога – это сомневающиеся, есть Бог или нет, это в самом существовании Бога. Есть более глубинная вера, вера Богу, вера в то, что он ведёт нас правильно и в конце концов Он нас выведет на правильный путь. И я считаю, что мы выйдем в конечном счёте на этот правильный путь, и мы построим всё на Правде, и тогда это будет основание Русского, Российского Государства очень прочным и дальновидным.

С.Л. Кузнецов

Андрей Кириллович, большое спасибо за эту книгу, потому что это действительно подвиг то, что вы сделали. Дело в том, что я долгие годы являюсь редактором международного журнала «Большой Вашингтон» и долгие годы в Америке дружил с князем Алексеем Щербатовым, который состоял членом Зарубежной Комиссии. Я бывал у него дома, он показывал фотографии, когда он присутствовал на заседании Московской Комиссии, и как написано в вашей книге, он человек был очень принципиальный. Он сразу же поставил вопросы о «Записке Юровского» и вообще о самом захоронении, он ставил острые вопросы. Когда я приезжал в Джорданвилль к владыке Лавру, покойному митрополиту, который потом стал у истоков объединения Православной Церкви, он тоже очень интересовался о самой этой Комиссии. И всех нас, кто к нему приходил, он спрашивал про эту Комиссию. Я хочу сказать самое главное. Та трагедия, что российский, русский народ почти сто лет назад отвернулся

от Бога и уничтожил Царя, свою Царскую династию, всю Фамилию, до сих пор витает над Россией то проклятие, которое после этого над Россией к сожалению не снято, уже почти сто лет. И от нас, от каждого зависит, чтобы как-то выйти из этой страшнейшей ситуации, которая уже сто лет продолжает мучить нашу страну.

Спасибо вам за эту книгу, она ... есть шаг к такому изменению.

А.К. Голицын

Я всегда воздерживался от категорических заявлений в отношении останков, которые перезахоронены были в Петербурге, что это не Царские останки. Я и теперь воздерживаюсь, ибо для того, чтобы делать такие заверения, нужно иметь очень серьёзные документы, безусловно подтверждающие таковой факт. И совершенно не случайно в названии книги стоит вопрос. Существуют разные точки зрения: одни убеждены, искренне или нет, это другой вопрос, в том, что это подлинные останки Царской Семьи, другие категорически с этим не согласны. Власть объявила официально, что это останки Царские, Священноначалие, устами митрополита Кирилла, а ныне Святейшего Патриарха, заявило что Церковь знает, что это не Царские останки. До тех пор, пока не будут открыты тайные хранилища, а как многие уверены, в закрытых архивных фондах находятся документы, которые хранят разгадку этой страшной тайны, до тех пор будет в обществе существовать болезненное противостояние. О том, что такие тайные хранения существуют, говорят многие.

Сегодня здесь присутствует известный тележурналист Аркадий Мамонтов, который в своё время, когда мы с ним встречались, говорил, что ему известно, что в одном из фондов Президентского архива находятся фотографии или негативы, привезённые Юровским в Москву после совершённой им этой страшной акции как вещественное доказательство, что никто не избежал кровавой расправы. Известно от целого ряда учёных, что такие тайные хранения существуют. В частности, будет прочитано письмо историка из Екатеринбурга, директора института Истории и Археологии, бывшего члена Комиссии академика Алексева. Он тоже уверенно говорит о том, что такие архивные хранилища известны.

Зураб Михайлович Чавчавадзе сказал, что он давно с этой трагической историей был знаком, и мы с ним, действительно эту тему обсуждали много раз. В своё время я предложил Зурабу Михайловичу совместно осмыслить и обработать документы, которые у меня накопились от моего членства в Правительственной Комиссии, с тем, чтобы на их основании подготовить материал, говорящий о том, что Комиссия не доказала юридически безупречно принадлежность Царской Семье останков, найденных в Поросёнковом Логу. Зураб Михайлович очень заинтересованно отнёсся к моему предложению, но, к сожалению,

его сложная общественная жизнь отнимало всё его свободное время. Я некоторое время ждал, но потом понял, что наше такое соавторство, во всяком случае, в обозримое время не состоится. Для этого нужно было этой работе посвятить достаточно много времени, чем Зураб Михайлович не располагал. У меня, конечно, были сомнения в отношении собственных сил, и мне хотелось иметь соучастника, и не только единомышленника, но деятельного с практической точки зрения, которые мог бы действительно стать соавтором. Случилось, однако, так, что мне пришлось этим заниматься одному. Но когда я закончил, первому кому я показал рукопись, был, естественно, Зураб Михайлович. Он и явился как бы Крёстным отцом. Его инициативой рукопись была издана. Я бы сам никогда никуда с этим не обратился, и книга никогда бы не вышла в свет.

Теперь, что касается непосредственно самой проблемы. Главный документ, на который ссылаются, и на котором строится вся аргументация и следствия и Комиссии – это так называемая «Записка Юровского». Впервые она публично появилась в 1989 году, когда в мае месяце эта «Записка» была опубликована сразу в двух журналах, в журнале «Родина», в очерке, или как было сказано в предисловии, в повести Гелия Рябова, и в журнале «Огонёк» в очерке Радзинского.

Эта «Записка» по тому, как она была представлена и Радзинским и Рябовым, была написана Юровским в 1920 году и передана академику и историку Покровскому, члену ВЦИКа. Оригинал был вручён Покровскому. Рябов и Радзинский располагали машинописными копиями. Обе копии, которые были опубликованы в журналах, я не только внимательно прочитал, но и тщательно сравнил оба текста. Это, конечно, единый документ. Никаких противоречий там нет, принципиальных противоречий. Рябов, как он пишет, получил «Записку» от сына Юровского. Радзинский обнаружил «Записку» в архиве. Записка, как я уже сказал, единая, то есть основа её единая. Но чтобы не создалось впечатления, что Рябов и Радзинский одновременно пользовались одним и тем же документом и трудились, чуть ли не рядом, была создана видимость не только того, что эти документы были получены из разных источников, но и то, что сами документы несколько отличаются друг от друга. Когда я сравнивал эти две «Записки», то пришёл к выводу, что, несмотря на то, что это текст один и тот же, ни в чём не противоречащий один другому, но вместе с тем там оказалось более ста мелких несовпадений. Например. Рябов пишет: бриллианты выпарывались. В варианте Радзинского бриллианты переписывались. В «Записке» было написано, что во время раскопок на Ганиной Яме следствие Соколова обнаружило много разных вещей, в том числе оплавленные пули, рубленные кости, золотые изделия и драгоценные камни, оброненные при свершении экзекуции. В варианте Рябова, там где речь идёт об этих находках в скобках другим шрифтом уточняется: челюсть Боткина, труп собачки, причём в конце проставлены инициалы Г.Р. то есть указание на то, что это комментарий самого Рябова. У Радзинского те же скобки с тем

же текстом без выделения шрифтом, из чего становится ясным, что это комментарий автора, то есть Юровского. И целый ряд таких же странных разночтений, которые говорят о том, что всё это сделано совершенно сознательно для того, чтобы создать иллюзию, что действительно Записки были ими обнаружены в разных местах. Как утверждает Рябов, Записку он получил от Юровского-сына, хотя встретиться с Юровским было не так просто. В те годы он себя никак не афишировал. Это я знаю на собственном опыте. Как-то я пришёл в Дом Журналистов и встретил в фойе своего приятеля, который беседовал с высоким господином в адмиральском мундире. Я подошёл поздороваться и мой приятель, Олег Антонович Кулиш, мне представил своего знакомого: Александр Яковлевич Юровский. Я, конечно, пожал руку и ничего не сказал, а потом попросил своего приятеля поинтересоваться, не сын ли его знакомый того, екатеринбургского Юровского. Кулиш, как он мне потом рассказывал, задал ему этот вопрос, на что тот ему ответил очень раздражённо, что никакого отношения к этому человеку он не имеет.

Так что вот так с улицы попасть к Юровскому Рябов, конечно, не мог. Как он попал, написала мадам Розанова. Многие, наверное, читали её книгу. Она вышла года три назад. Это объёмное издание, роскошно напечатанное с большим количеством иллюстраций, посвящённое утверждению официальной версии. Она пишет, что Рябов снова обратился к Щёлокову и тот в его присутствии позвонил в Ленинград и попросил или приказал, чтобы нашли Юровского. Рябов, как понятно из того, что написала Розанова, не просто обратился к Щелокову с просьбой. Он оказывается прямо заявился в кабинет министра, который в его присутствии позвонил и дал команду. Понятно, что какая-то сложная интрига плелась вокруг всей этой истории уже тогда, в 80-е годы. Рябов появился в 1989 году. В глухое советское время. Политбюро, ЦК КПСС, КГБ – всё функционировало. 6-ю статью Конституции никто ещё не отменял. Как раз в это время состоялся визит Горбачёва в Англию, где он встретился с Королевой Елизаветой, которую он якобы пригласил посетить Советский Союз, и которая якобы ответила, что приедет в СССР только тогда, когда станет известна судьба Царской Семьи, на что Горбачёв якобы дал свои заверения. Я так полагаю и думаю, что во всяком случае дипломаты со мной согласятся, что на таком уровне случайных вопросов не возникает. Визит готовится заблаговременно, вопросы подготавливаются, так же как и ответы на них. Следовательно Горбачёв ехал в Англию, зная о том, что ему предстоит обсуждать, знал и о вопросах, которые ему будут заданы и что и как он должен на них отвечать. И, конечно, не случайно тут же после возвращения Горбачёва в Москву, появилась сенсационная статья Рябова в «Московских Новостях», в которой была помещена фотография черепа, как там было сказано, Николая II и сообщалось, что Царская могила была найдена. Вскоре после этой публикации вышел журнал «Родина» с повестью Рябова, а через месяц в «Огоньке» появилась статья Радзинского. И тут же Рябов начал

публично выступать в редакциях газет, в общественных местах Он выступил в архивном институте, в Обществе Охраны памятников, где был мой приятель, который мне рассказал, что когда Рябову стали задавать вопросы, он его спросил: «Гелий Трофимович, скажите, когда вы открыли могилу и обнаружили останки Николая II, череп его был отделён от позвоночника или нет». Как сказал мой приятель, Рябов от неожиданного вопроса несколько растерялся, но быстро вошёл в роль и сказал: «нет, конечно, не отделён». Тогда тот сказал: «Ну значит вы сами его открутили, чтобы достать из могилы. Я уже не помню, что Рябов отвечал, но понятно, что он отвечал на вопрос, который не лежал на поверхности. Он понимал, что от него хотят узнать, и отвечал так, чтобы стало понятно, что никто голову Царя не отчленил. В этом была его задача. А когда Рябов и компания на следующий год после вскрытия могильника в Поросёнковом Логу возвращали обратно то, что ими было изъято, три черепа, большое количество разных костных фрагментов, то вместе со всем этим Рябов вложил два первых шейных позвонка. А когда Соловьёв докладывал на Комиссии о том, что была проведена полная экспертиза, которая установила, что все шейные позвонки находятся на месте, и что не было никаких нарушений, он, естественно, не сообщил о вложении Рябова.

Так вот, так называемая «Записка Юровского» стала главным аргументом и следствия и Правительственной Комиссии. Когда Соловьёва спрашивали на какие документы, на какие материалы опирается его следствие, какой основной источник доказательства даёт ему основание утверждать, что это Царские останки, он уверенно говорил, что главный документ, это «Записка Юровского», свидетельство непосредственного участника этой акции, коменданта Дома Особого Назначения. Этот документ – основа всего следственного доказательства. Надо сказать, что несмотря на то, что историк Буранов обнаружил в архиве подлинник этого письма, написанный рукой Покровского, для следствия «Записка Юровского» осталась основополагающим документом, на основании которого было построено всё Соловьёвское следствие и вердикт Правительственной Комиссии.

Здесь очень важно понять, что вся эта история с Запиской началась в 20-е годы. Не тогда, когда Юровский приехал после расстрела в Москву, и когда он привёз какие-то вещественные доказательства, документы или драгоценности и наверное докладывал в Совнарком с подробностями о том, что произошло в доме Ипатьева и на Ганиной Яме. Тогда же прибыл и Голощёкин, который вёз три ящика, в которых, как некоторые считают, находились Царские головы.

Записка Покровским была написана два года спустя после убийства. А дата 20-й год, как выяснил историк Буранов, появилась на Записке от сына Юровского в 1956 году, после разоблачения культа личности, когда потомки царевубийц начали вылезать из подполья и вспоминать о заслугах своих отцов-палачей. Тогда Юровский-сын отправил в Свердловский

Партархив документы своего отца и в частности там была эта самая Записка, на которой он написал то, что Рябов потом опубликовал как слова Юровского–старшего, то есть то, что подлинник был Юровским передан Покровскому, написал на самом деле его сын, и он же поставил дату.

Теперь о Покровском. Покровский не только историк, и с исторической точки зрения его вся эта екатеринбургская драма мало интересовала. Этот сюжет очень ловко использовал Радзинский для своего сочинительства. Он подробно пишет как убивали Царя, Его детей, как летали пули. А книга названа «Господи, умири Россию». Это цитата из дневника Николая II. В подлиннике эта фраза звучит так: «Господи, умири Россию». Не умири, а умири. Государь призывал не к насилию, а к миру, умирению. Он просил Господа совершить благое дело, а не расправу.

Покровский не был историком, которого эта тема интересовала с точки зрения исторической достоверности. Он был политик, государственный деятель довольно высокого ранга. Член ВЦИКа, Глава Партийного Архива, директор исторического института. Это был крупный большевистский функционер, который создавал концепцию события. В 20-е годы понадобилось создать более удобоваримую версию расправы в Ипатьевском доме, ибо к тому времени вышла уже книга английского журналиста Вильтона, который сопровождал следователя Соколова, помогал следствию и собирал документы. В его книге воспроизведены были кабалистические знаки и приведена их расшифровка. К этому времени широко разошлось за границей заявление Войкова, который говорил, что «мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». В 20-е годы большевики уже утвердились на территории бывшей Российской Империи, Гражданская война шла к завершению, Колчак был расстрелян, Врангель покинул Крым. Начинали складываться дипломатические отношения. Англия первая подписала дипломатический документ о признании легитимности нового советского государства. Естественно, возникали вопросы, а какова судьба Царской Семьи. Нужно было отвечать, причём отвечать что-то членораздельное. Я привожу в книге письма Иоффе, который был советским послом в Германии. Он в своей переписке с Чичериным, Наркомом иностранных Дел в то время, запрашивал, что он должен отвечать на вопросы о том, что произошло с Царской Семьёй, с «немецкими принцессами», живы ли они. Чичерин ему ничего определённого не говорит, но рекомендует самому как-то изворачиваться, то есть просто врать. И большевики ввали всё время.

Но ситуация складывалась таким образом, что всё же требовалось ответ сформулировать более определённо. Поэтому, если внимательно читать так называемую Записку Юровского, становится понятно, что это не историческая информация, это как бы кинематографический сценарий, предварительный сценарий, без подробностей того, как события происходили. Это как бы канва самого события. Покровский пишет: Юровский поднялся в комнаты, где содержалась Семья, разбудил Боткина,

велел одеваться. Он свёл их вниз, ввёл в ту самую полуподвальную комнату, выстроил вдоль противоположной стены и зачитал приговор. Тут же началась стрельба. Без всяких подробностей, очень кратко и чётко всё событие расписано от начала и до конца, на все три дня, от ночи с 16 на 17 июля и до утра 19 июля.

Покровскому нужно было создать иллюзию того, что никакого злодеяния не произошло, что никто голов не отрезал, о чём уже широко по миру разошлись слухи, и сведения, что всё совершилось без глумления. Привезли на Ганину Яму, которая оказалась неподходящей. Нужно было увезти следы с Ганиной Ямы. Не случайно с самого начала в Записке Ермакову отводится отрицательная роль, хотя там и указано, что он являлся как бы вторым человеком во всей этой экзекуции. В Записке говорится, что Юровскому поручено было «Исполнение», а Ермакову – «Ликвидация». То есть Юровский должен был расстрелять, а Ермаков – увезти и уничтожить. Он и приехал со своей машиной и по его уверениям во время. Но по Записке Покровского Ермаков опоздал на целых два часа, что привело Юровского в раздражение. Он волнуется, беспокоится, что не успеет совершить, то что ему было поручено, ибо «ночи короткие». Когда Ермаков всё же приехал, по Записке, то Юровский решил ему больше не доверять, решил, что нужно проконтролировать и все дальнейшие его действия. Он отправился сопровождать трупы на Ганину Яму с тем, чтобы проследить, как всё будет происходить. Это по Записке Юровского-Покровского. И дальше. Ермаков не только опоздал к экзекуции, он якобы нашёл неподходящее место для уничтожения тел, потом его же знакомый, который как-то случайно оказался в оцеплении, спугнул Юровского, который уже вырыл яму, где собирались закопать жертвы. Пришлось срочно яму ликвидировать из опасения, что неожиданный свидетель может тайну захоронения открыть. Пришлось всё снова вывозить в другое место.

Всё это, конечно, не соответствует действительности. Нам теперь известно следствие Соколова, а Покровский писал свои инструкции, когда ещё книга Соколова не была напечатана, и поэтому он многие факты не знал. Что-то ему известно было. В Записке упоминаются челюсть Боткина, труп собачки, отрезанный палец. Эти сведения могли из следствия Соколова как-то просочиться. В 1920 году вышла книга Вильтона, его английский вариант. На следующий год появились воспоминания Жильяра, в 1922 году вышел перевод книги Вильтона на русский язык, и только в 1925 году – книга Соколова. Сведения, которые привел Покровский, о челюсти Боткина и прочие, были только в книге Соколова. Ни у Вильтона, ни у Жильяра их не было. Откуда эти сведения попали в Записку Покровского, не известно. А может быть, я сейчас подумал, это вставка в Записку Покровского, и вставка более позднего происхождения.

Покровский писал на основе материалов, которыми он располагал на тот данный момент, и книга Соколова, уличает его во лжи, ибо вся эта

история о том, что Юровский ничего не знал, что он поехал на Ганину Яму проверять Ермакова и возмущался якобы, когда приехал туда, что Ермаков нашёл не то, что было надо, не то, что он обещал, что там вообще даже не было шахты и он, Юровский, якобы отправился чуть ли не сам такую разыскивать. Всё это выдуманно было Покровским. Соколов допрашивал свидетелей, и эти свидетельские показания вошли в его труд. А это не один, а целый ряд свидетелей, которые видели Ермакова с Юровским на коптяковской дороге, в районе Ганиной Ямы, за несколько дней до расстрела. Они все эти места исследовали, искали то урочище, где потом будут уничтожать трупы, так что в Записке вся эта фантазия Покровского, что Юровский совершенно для него неожиданно оказался на Ганиной Яме, что там ничего не было подготовлено и будто бы вообще там никто никогда не был, всё это враньё. Покровский, когда сочинял свою Записку, не знал и даже не предполагал, что появится документальный труд Соколова, где будут приведены эти свидетельские показания.

То, что Записка Покровского является творчеством самого Покровского и никакого отношения к Юровскому не имеет, свидетельствует один любопытный документ. Кроме этой Записки, есть ещё три документа, автором которых считается в той или иной степени Юровский. Первый, это опубликованная в 1993 году в журнале «Истоки» воспоминания Юровского под названием «Исповедь палача». В предисловии сказано, что эта рукопись находилась 50 лет в архиве, где её обнаружили после крушения советской власти. Пихоя мне тогда говорил, что эту рукопись они нашли в Президентском Архиве. Он был или главный редактор Истоков, или куратор от архивной службы, которую он возглавлял. Исповедь палача была написана в 1922 году. Документ второй – это стенограмма выступления Юровского перед старыми большевиками в 1934 году в Свердловске, где он вспоминал события 1918 года. Третий документ, который я сейчас прочту, это письмо Юровского в музей Революции, вместе с которым он передал в музей револьвер, из которого был убит Николай II.

Я хочу обратить внимание на то, что это письмо написано действительно Юровским. У меня есть ксерокопия этого письма. Это его почерк, его корявое изложение и грамматическая безграмотность. Он пишет «дакозательство», револьвер он пишет без мягкого знака, бриллианты с одним «л» и так далее. В отличие от письма Юровского, Записка, написана Покровским грамотно во всех отношениях. Исповедь палача скорее всего написана тоже не Юровским или, если он всё же является автором исповеди, то тогда этот его труд был хорошо обработан редактором.

Теперь возвращаюсь к письму в музей.

«Москва 13 марта 1927 год
В Музей Революции

Директору Музея тов.Мицкевичу
(Без разрешения ЦК ВКП(б) для обозрения не выставлять)
Я. Юровский

Имея ввиду приближающуюся десятую годовщину Октябрьской Революции, и вероятный интерес для молодого поколения видеть вещественные доказательства (орудие казни б.царя Николая II, его семьи, и останков верной им до гроба челяди) считаю необходимым передать музею для хранения находившиеся до сих пор у меня два револьвера: один системы кольт с обоймой и семью патронами, второй системы маузер с деревянным чехлом – ложей и обоймой патрон, девять штук.

Причина того почему два револьвера следующие: из кольта мною был напавал убит Николай остальные патроны имевшийся заряженной обоймы кольта, а также заряженного маузера ушли на достреливание дочерей Николая, которые были забранированы в лифики из сплошной массы крупнейших бриллиантов, и странную живучесть наследника на которого мой помощник израсходовал целую обойму патронов (причину странной живучести насл. нужно вероятно отнести или к слабому владению оружием или неизбежной нервности вызванной долгой возней с бронированными дочерми)».

Заканчивается письмо любопытной припиской: «Подробности мною 22 г. переданы в ЦК Партии».

В 1922 году Юровский передал «Исповедь палача» в ЦК Партии. Покровского он никак не упоминает, не пишет, что в 20-м году он ему передал некий подлинник. И если внимательно прочитать все эти документы, то становится ясно, что Исповедь составлялась на основе Записки Покровского. Всё абсолютно соответствует, та же последовательность, добавлены только некоторые биографические подробности, шире рисуются само событие, видно, что постарались придать этому документу более мемуарный характер. В принципе Юровский повторил всё, что было написано Покровским. Юровский должен был подтвердить версию, которую сочинила советская власть и «Повесть палача» таковым подтверждением и явилась. Здесь следует вспомнить и такой факт: в рукописном отделе бывшей ленинской библиотеки есть фонд Бонч-Бруевича, в котором находится архив журнала «Звенья», главным редактором которого Бонч-Бруевич был. В архиве этого журнала упоминается рукопись Юровского, которая называется «Как я убивал царя». Я не знаю, рукопись, опубликованная в «Источнике», была взята из фонда Бонч-Бруевича или из какого-то другого хранения, но важно здесь отметить, раз рукопись находилась в портфеле редакции, значит журнал предполагал её опубликовать. Был такой момент, когда власть сочла нужным собственную версию кровавой расправы в Ипатьевском доме придать гласности. Что-то произошло. Надобность в этом отпала. «Исповедь» опубликована не была, пролежала нетронутой 50

лет и в 1993 году была обнаружена и опубликована без всякого редакторского вмешательства.

Хотя «Исповедь палача» полностью повторяет Записку Покровского, но в ней есть некая деталь, которая наводит на размышления. Все лица, так или иначе связанные с убийством Царской Семьи с директивой Покровского были знакомы, и слепо повторяли то, что следовало говорить по этой директиве, но в то же время постоянно путались и часто начинали говорить не то, что было предписано, а то что происходило на самом деле. Это имеет отношение и к «Исповеди» Юровского. Там, где он описывает момент уже на Ганиной Яме, когда он и его команда приступили к раздеванию трупов, в процессе которого были обнаружены спрятанные в одежде драгоценности, он между прочим упоминает, что к нему подошёл какой-то солдат и передал бриллиант весом каратов в восемь, сказав: «Вот возьмите, это я нашёл там, где сжигали трупы».

По Записке Покровского на Ганиной Яме никакие трупы не сжигали, два тела сожгли в Поросёнковом Логу, и это Юровский хорошо знал. Но бриллианты могли быть найдены только на Ганиной Яме, потому что в Поросёнков Лог трупы были привезены уже без одежды и там, естественно, никаких бриллиантов быть не могло, там никто их обронить не мог и не мог тем более найти. Юровский в своей «Исповеди» оговорился. Как говорится, Бог шельму метит. Он отлично знал и понимал, что бриллианты могут быть только там, где сжигали трупы, а раз бриллиант был найден там, где сжигали трупы, значит, их сжигали на Ганиной Яме. Документ этот пролежал пол века, и никто никогда им не воспользовался, и во все анналы КГБ и прочих организаций он не попал. А когда, после краха советской власти, его обнаружили, то опубликовали в том виде, в котором он был найден, не обратив внимания на эту малозаметную деталь.

Не обратил на эту деталь внимание и прокурор-криминалист Соловьёв. Ну он то совершенно сознательно. В своих следственных документах «Исповедь палача» он даже не упоминает. Всю свою аргументацию Соловьёв строит на Записке Покровского и стенограмме 1934 года. Наверное, потому что он понимал, что придавать широкой гласности документ, который содержит информацию категорически противоречащей официальной версии, разрабатываемой следствием и Правительственной Комиссией, нельзя. Соловьёв также понимал, если эта информация распространится, то она может войти в круг исторического интереса, на неё станут ссылаться, возникать вопросы, в том числе и такой: почему Юровский привёл факт, не соответствующий официальной версии, и какая достоверность самого этого факта.

Всё следственное действие Соловьёва основано на том, что ему нужно было доказать ту версию, которая была сочинена советской властью в 1920-м году или в начале двадцатых и которая неизменной сохранилась до наших времён. С Соловьёвым у меня сначала сложились добрые отношения. Я с ним встретился первый раз в 1993 году, вскоре после

учреждении Правительственной Комиссии и назначения его к ведению следствия. Я приехал к нему, он тогда сидел на Кузнецком мосту, и мы с ним несколько часов проговорили, даже за это время дали совместно интервью какой-то программе. Тогда у нас обнаружилось полное совпадение взглядов, а я ему говорил примерно то, что говорю теперь. Сомнения в подлинности Царских останков у меня появились сразу же, как на горизонте возник Рябов. И Записка Юровского вызвала недоверие. Соловьёв мои сомнения разделял. Он уверенно говорил, что его задача дойти до истины. Соглашался со мной, что разночтение в рассказах Рябова и Авдонины о том, как они нашли царскую могилу, вызывают подозрение, и убеждённо говорил, что он непременно в порядке следственного дознания их допросит. От этой встречи со следователем у меня осталось очень хорошее впечатление и, главное, уверенность, что он серьёзно намерен заняться расследованием. К сожалению я ошибся. На втором заседании Комиссии Соловьёв резко перешёл на сторону официальной версии. А может быть он тогда, при нашей встрече просто морочил мне голову. Во всяком случае, его перемена стала для меня неожиданностью. Когда я его спросил: как же Владимир Николаевич, мы с вами обо всё этом говорили. Он без смущения ответил: всё понятно, всё известно и всё уже доказано, это царские кости и спорить нечего.

Доказано было давно, ещё в 1991 году, и на первом заседании Комиссии главный эксперт России Плаксин заявил, что все исследование завершены, что сомнений нет – эти останки принадлежат Царской Семье и их слугам.

Если бы не крушение советской власти, ибо вся эта история началась в 1989 году, я думаю, что всё завершилось бы гладко, без всяких потрясений. Когда Горбачёв давал заверения Английской Королеве в том, что вопрос о судьбе Царской Семьи будет решён, ему было совершенно понятно, что теми советскими методами, привычными и известными, была бы создана нужная комиссия под эгидой ЦК КПСС, когда бы все специалисты дружно поставили бы свои подписи под нужными документами. И не случайное появление Рябова с находкой могильника тут же, как только Горбачёв вернулся из Англии. Но неожиданно рухнула советская власть и ситуация вышла из-под контроля. К тому же на общественную арену вышла Русская Православная Церковь. Когда Горбачёв начинал эту эпопею, то Церковь вряд ли предусматривалась как соучастник в такой Комиссии. В то горбачёвское время, ещё советское время, Церковь находилась под жёстким прессингом идеологического попечительства и всей коммунистической системы подавления любого инакомыслия.

Но события развивались своим путём. Пришедшая на смену коммунистического режима демократия, открыла путь широкой гласности. Сразу же появилось огромное количество публикаций с вопросами к Рябову. Его тут же публично назвали и у нас и за границей, милицейским журналистом, выполнявшим определённую ему известным

ведомством функцию. Рябов сразу же превратился в фигуру неприглядную, в фигуру одиозную, и вскоре он вообще вдруг внезапно исчез из всех средств массовой информации и с общественной арены. Исчезает главный персонаж во всей этой истории с нахождением царской могилы, её первооткрыватель и первый информатор, и на горизонте появляется никому не ведомый до тех пор Авдонин, который становится членом Правительственной Комиссии. Он начинает публично заявлять, что Рябов к нахождению могилы отношения не имел, что это он без всякой Записки Юровского нашёл захоронение, что никакой Записки Рябов не привозил, и не по Записки было найдено место, а это он, Авдонин, сам ходил по коптяковской дороге с коловоротом и таким образом обнаружил царские останки. И эту версию полностью повторяет Соловьёв в своём «Заключении», которое является официальным документом Генеральной Прокуратуры Р.Ф. Он просто переписывает то, что сочинил Авдонин.

Рябов во все годы работы Комиссии никогда нигде не возникал и никогда не упоминался в связи с царскими останками. Он исчез на много лет и появился на первой Пресс-конференции после завершения работы Комиссии, когда уже были поставлены все точки, и заявлено на весь мир о безусловной подлинности останков. С этого момента он, как бы вновь получил официальное признание. Стал появляться публично, присутствовал на перезахоронении останков в Санкт-Петербурге. Тогда же издал книгу, в которой между прочим сообщил о том, о чём ранее не писал и не говорил публично. В сочинениях конца 80-х годов Рябов рассказывал как он с группой своих соратников три дня приезжал из Свердловска в Поросёнков Лог. Три дня они там копали, причём вели себя как туристы. Жгли костёр, возле которого спокойно трапезничали. Рябов привозит с собой десять бутылок воды. Вокруг лежат находки, извлечённые из могильника, черепа, кости, шпалы, которые они извлекли из-под земли, прежде чем добрались до самого захоронения. Три дня с утра пораньше они приезжают на место раскопа и проводят там весь день. А это между прочим 1989 год. Когда я там был в 1976 году и ездил в Коптяки, то мои друзья, которые были у меня в Свердловске, предупреждали, ни в коем случае не обращаться к местным жителям с вопросами о Ганиной Яме и прочим. Тут же сдадут. Деревня Коптяки, то есть жители этой деревни, были обработаны и запуганы известными органами и обязаны были, как только появлялся подозрительный, сообщать куда надо.

Естественно, Рябов в 1989 году копать так открыто несколько дней не мог. Но почему-то, когда он писал свой дневник, его таковая ситуация никак не волновала. На это обратил внимание даже следователь Соловьёв. В своём официальном Заключении он написал, что Рябов с Авдоным понимали, что ситуация сложная и что их присутствие и действия могут вызвать со стороны местной власти жёсткую реакцию. Этот документ был представлен на Комиссии. А уже сам Рябов в своих воспоминаниях,

которые вышли в 1998 году, тему опасения, что их могут забрать, тоже затронул, ибо видимо понял что в своих ранних выступлениях он этот момент упустил. Может быть Соловьёв надоумил, так как в последней книги Рябов со страхом вспоминал о своём нелегальном положении в Поросёнковом Логу, как они озирались по сторонам и как им чудилось, что вот-вот нагрянут опричники из КГБ и увезут их в наручниках за решётку. Рябов через 30 лет вдруг вспомнил, что в те советские времена таковые действия могли окончиться большими неприятностями. А в 1989 году, когда группа частных лиц вела раскопки посредине проезжей дороги, никакого страха они не испытывали.

Всё было или согласовано или, наоборот, ничего не было вообще, и никто на Коптяковской дороге никаких черепов не выкапывал.

В.И. БРАГИН

Я первым делом хочу сё-таки сказать, что вот тот великий труд Андрея Кирилловича по написанию книги заслуживает всяческого уважения. Это честная, предельно честная и исторически выверенная книга. И этой книге больше доверяешь, чем многим документам, связанных с самой темой, вроде бы авторитетных и медицинских кругов и юридических служб. Я считаю, что эта книга превосходит их всех по честности и патристическому человеческому началу.

Сейчас мне трудно сказать, сколько человек было в Комиссии: примерно пятнадцать, семнадцать человек.

Здесь сложный момент был во взаимоотношениях Комиссии с Зарубежной общественностью, с Зарубежной Церковью, но я хочу сказать, у нас как бы в Комиссии сложилось ядро своего рода. Это Андрей Кириллович Голицын, Предводитель Российского дворянства, это митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, ну и я тоже, грешный примыкал к такому объединению, и я не боюсь это сказать, у нас была значительно особая позиция, потому что когда я был включён в эту Комиссию, у меня сложилось такое впечатление, какое-то осадок суеты присутствовал в Комиссии от административного начала, какое –то

спешки, какого-то стремления обязательно к какой-то дате и похоронить и поставить точку и закрыть тему, чтобы больше к ней не возвращаться.

Это прямо вызывало недоверие в подлинности доводов, в подлинности исследований по этой теме. Я имел свою позицию и не доверял той официальной точке зрения, которую проводили. Сначала Председателем Комиссии был Юрий Фёдорович Яров, а затем был Борис Ефимович Немцов. Он прямо как-то ломился эту линию быстрее закончить: всё верно, всё точно, всё не вызывает никаких сомнений. Я на каком-то этапе совершенно не выдержал и Юрию Фёдоровичу Ярову написал прямую, открытую служебную записку, как Заместитель Министра, а я был как бы с официальными полномочиями в этой Комиссии. Это накладывало на меня особую ответственность. Я написал Юрию Фёдоровичу записку, в которой спросил: можем ли мы быть уверенными в том, что эти останки подлинно Царской Семьи. И я ему сказал, что те данные, те обсуждения, они показывают, что нет, что мы не можем быть до конца уверенными.

Когда наступил момент истины, когда Комиссия официально объявила, что это подлинные останки Царской Семьи, и они должны быть захоронены в Петропавловской крепости, то Президент Российской Федерации Борис Николаевич Ельцин по агитации академика Лихачёва, уехал на эту процедуру в Петербург. С ним вместе уехала министр Культуры Наталия Леонидовна Дементьева, а её заместитель не мог последовать за ними. Я не верил в то, что в Петербурге захоронение подлинных Царских останков. И я вместе с Андреем Кирилловичем, вместе с Ювеналием Митрополитом Крутицким и Коломенским, тоже членом Государственной Комиссии, вместе с членами Императорской Семьи и вместе с Патриархом был на панихиде уже именно по останкам Царской Семьи, которая была отслужена в Троице-Сергиевой Лавре. А в Петербурге, подчёркиваю, была панихида просто по жертвам репрессий коммунистического режима. Потом, конечно, на официальном уровне мне делались упрёки моей выходки. Министр в одной группе, а заместитель её с другими лицами, как бы отстаивает не официальную, не государственную позицию.

Я хочу ещё сказать, что одновременно, я был Председателем Государственной Комиссии по увековечиванию памяти Катынских останков. Я участвовал в эксгумации и в Медном и в Катыне. Я видел всю фальсификацию, которая была связана с Катынской темой, и я поневоле сравнивал, и я видел, что та же самая метода, что по Катынским останкам, то же самое фальсифицируется и эта линия, связанная с идентификацией останков Царской Семьи.

И здесь я должен сказать, что я до сих пор остаюсь сторонником той линии, которую разделяют два Патриарха, и бывший Патриарх Алексей II и нынешний, глубокоуважаемый Патриарх Кирилл. Он тоже поддерживает эту линию и в книге это дано, что это не есть подлинные останки Царской Семьи. И я бы считал как бывший государственный

служащий, что пришло время, когда нынешняя власть, более зрелая, более продвинутая, допустим такое слово, более заинтересованная в правде относительно тех злодеяний, которые были совершены в социалистический период нашего Государства, чтобы расследовать эту тему по-новому, более взыскательно, более требовательно, скрупулёзно, чтобы тогда уже у нашей Русской Православной Церкви были полные основания сказать, так ли это или не так, подлинные или не подлинные.

Алексеев В.В.

Глубокоуважаемый Андрей Кириллович!

Сердечно благодарю за Вашу книгу «Кому же верить?». Прочитал ее с большим интересом. Она вернула меня к дням нашей совместной работы

в Правительственной комиссии. Сердечно благодарю Вас за добрые слова в мой адрес в связи с попыткой разгадать тайну XX в.

Ваша книга актуальна и важна для понимания судьбы царской семьи. Она подводит итог острейших дискуссий по данной проблеме. Вы проанализировали огромный корпус документов, в том числе мало известные материалы Правительственной комиссии 1993–1998 гг. Исключительно ценны 42 документальных приложения.. Причем это не журналистское расследование и даже не историческое сочинение, а акт исторической экспертизы, которой я добивался все годы работы комиссии, но не получил права на ее из-за фанатичного противодействия следователя генеральной прокуратуры РФ В.Н. Соловьева.

Ваша экспертиза ответила на многие вопросы гибели царской семьи и сокрытия ее останков. Она развенчала мифы о так называемой «Записке Юровского», упражнениях А.Н. Авдонины и Г.Т. Рябова с предполагаемыми царскими останками в конце 70-х гг., доказала несостоятельность опоры лишь на заключение генетиков в идентификации царских останков. Реальные исторические факты ставят под сомнение такое заключение.

Полностью разделяю Вашу негативную оценку деятельности следователя Соловьева, которая нанесла огромный урон имиджу России за границей. Более того, он своими безответственными действиями раскалывает сознание российского народа и без того обремененного свалившимися на него невзгодами. Еще хуже – он преследует тех, кто не разделяет его взглядов, направляет на них продажных журналистов. Вы справедливо приводите примеры с Розановой. Как мне не тяжело об это писать, он пытался запугивать меня расправой в Генеральной прокуратуре, если я не соглашусь сотрудничать с ним. Разумеется, получил решительный отказ.

Вы хорошо понимаете, что Соловьев не одинок, но почему-то в тени остается неприглядная роль его соратника Авдонины – «первооткрывателя

царской могилы». Они по существу «приватизировали» останки Романовых и паразитируют на них, или по воле их вдохновителей, или не исключено, что по собственной корысти. Я с дрожью вспоминаю, как во время моего выступления в Синоде Русской Православной Церкви за границей в 1993 г. аудитория буквально взорвалась неистовством при упоминании фамилии Авдонины. Вы бы только знали, чего стоят его «романовские вирши», которые ежегодно издает Екатеринбургский областной краеведческий музей. Простите меня за эти эмоциональные высказывания.

А теперь о главном. Думается, что после Вашей книги мало у кого останется вера в рассказы Соловьевых, Авдониных и иже с ними. На Ваш вопрос: «Кому же верить?» сегодня может быть только один ответ: «Никому!» Для выхода из тупика необходимы новые, неизвестные до сих пор документы по «царскому делу», которые хранятся в отечественных и зарубежных архивах. Они в принципе известны, но как их получить? Этот вопрос может решить новая независимая комиссия из честных и квалифицированных в данном вопросе людей, лучше совместно с зарубежными специалистами.

Я всецело разделяю позицию Патриархии о непризнании «екатеринбургских останков», особенно после беседы со Святейшим Патриархом Алексием II», мне представляются тщетными попытки Соловьева и Ко склонить церковь к признанию «последних двоих». Если Правительственная комиссия не ответила на принципиальные вопросы Патриархии, а она в свою очередь не посчитала возможным присутствовать на петербургском перезахоронении, то как, спустя более 10 лет, можно добиваться еще более сомнительного признания.

Дорогой Андрей Кириллович, поздравляю Вас с очень нужной и смелой книгой, желаю ей и Вам долгих лет жизни, плодотворного обсуждения на предстоящей презентации.

RUSSIAN EXPERT COMMISSION ABROAD

Founded 1989

AN INQUIRY INTO THE FATE OF THE REMAINS OF THE
MEMBERS OF THE RUSSIAN IMPERIAL HOUSE MURDERED BY
THE COMMUNISTS IN EKATERINBURG ON 17TH JULY 1918.

Кн. Андрею Кирилловичу Голицыну !
Председателю Международного Союза Дворян

20 Ноября 2011г.

Многоуважаемый и дорогой Андрей Кириллович !

OFFICERS

CHAIRMAN
PETER N. KOLTYPIN-WALLOVSKOY

VICE-CHAIRMAN
PRINCE
ALEXIS P. SCHERBATOW, PH.D.

EUGENE L. MAGEROVSKY, PH.D.

PRINCE
DIMITRY M. SCHAKHOVSKOY, PH.D.

VALENTIN A. DEDULIN, M.D.

PROF. PAUL N. PAGANUZZI †

ADVISORY BOARD

COUNT
NIKOLAI D. TOLSTOY-MILOSLAVSKY
UNITED KINGDOM

DR. IGOR HOLODNY
UNITED STATES

VYACHESLAV L. PAPOV, PH.D.
RUSSIA

PROF. CONSTANTINE R.V. DESROSIERS
UNITED STATES

LUDMILLA A. FOSTER, PH.D.
UNITED STATES

VICTOR F. BANDURKO, PH.D.
UNITED STATES

NICOLAS G. ROSS, PH.D.
FRANCE

От имени Российской Зарубежной Экспертной Комиссии искренне поздравляем Вас с изданием Вашей книги "Кому же верить?". Этот Ваш труд содержит чрезвычайно важные сведения для познания ПРАВДЫ в деле определения мнимых "царских останков", обнаруженных под Екатеринбургом.

Одновременно мы с большим интересом ознакомились с вступлением к Вашей книге кн.Зураба Михайловича Чавчавадзе, который с большой осведомленностью описал живо разыгранную трагедию, целью которой было дальнейшее глумление над Императорской Семейей.

Наша Комиссия воодушевлена Вашим описанием исторического труда опытного царского судебного следователя Н.Соколова и его книги "Убийство Царской Семьи", которая фактически должна была бы лечь в основу любого расследования, убийства, уничтожения и скрытия тел Царской Семьи, как и документальные книги ген. Дитрихса и Вилтона. В Вашей книге Вы правильно это подчеркнули.

С самого начала наша Комиссия сперва в Меморандуме № 1 и в дальнейших меморандумах № 2, и № 3 постоянно советовала, государственной комиссии в Москве, строго придерживаться, международных правил криминально-судебного расследования. Но этого не было сделано, в результате чего были нарушены фундаментальные правила расследования.

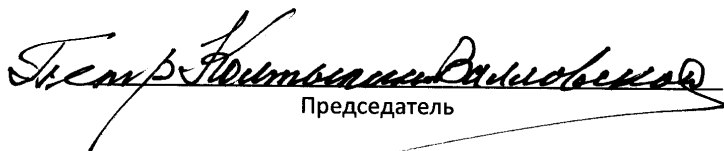
Нарушено также было дело с исследованием ДНК. По инициативе нашей Комиссии были привлечены к исследованию известные генетики России и США: др. Лев Анатольевич Животовский и др. Алек Найт. После длительного исследования наши коллеги установили, что ДНК сестры Императрицы Елизаветы Федоровны не совпадает с ДНК Императрицы Александры Федоровны.

251 FIRST AVENUE ◆ STRATFORD, CONNECTICUT 06615 ◆ U. S. A ◆ (203) 378 - 4253

В Вашей книге Вы перечисляете большое количество других нарушений и подлогов. Ваша информация о работе Московской комиссии очень важная и интересная, т. к. наводит на скорбные мысли, что все велось по советским правилам т.е. многие забыли призыв Соложеницина, что "Надо жить не по лжи".

Сейчас перед всеми нами встают несколько важных задач:

1. Приложить максимальные усилия для самого широкого распространения этой важной документальной книги.
2. Перевод этой книги на другие иностранные языки.
3. Составление ВОЗЗВАНИЯ учёных, политиков и общественных деятелей с призывом к справедливости и правде в деле расследования Екатеринбургских останков.

Председатель